

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: Разбойничья пещера (с. Красноселовка, бывшее Кизил-Таш)

Много лет прошло, как увезли в Сибирь Алима, а старо крымская гречанка, укачивая дитя, все еще поет песенку об удалце, который не знал пощады, когда нападал, но глаза которого казались взглядом лани, когда он брал на руки ребенка. И в долгие зимние вечера, когда в трубе завывает ветер и шумит недобрым шумом бушующее море, татары любят, сидя у очага, послушать рассказ старика о последнем джигите Крыма — Алиме, которым гордились горы, потому что в нем жило безумие храброго и потому, что никогда не знали от него обиды слабый и бедняк.

Шел прямо к сердцу алимов кинжал, взмах шашки его рассекал пополам человека, и заколдованная пуля умела свернуть за скалу, чтобы настичь укrywшегося. Как грозы, боялись люди Алима, и во всей округе только один человек искал встречи с ним. То был старый карасу-базарский начальник, о котором рассказывали, что кулак его тяжелей кантарной гири, а от острого взгляда его не укрыться даже под землей.

Семь лет подряд только о нем да об Алиме говорил Крым; семь раз за эти годы попадал Алим в руки стражей и семь раз, разбив кандалы, успевал бежать в таракташские леса, в ногайскую степь. А в горах и в степи вся татарская молодежь стояла за него, и старые хаджи, совершая намаз, призывали лишний раз имя Аллаха, чтобы он оградил Алима от неминуемой беды. Нависла над ним черная туча, и знали об этом мудрые старики. Ибо нельзя было плясать на одной веревке двум плясунам, как говорил отузский мулла.

В тот год стояла в Крыму небывалая стужа; терпел бедняк, но не было лучше богачу, так как по дорогам шел стон от алимова разбоя. Алима видели в разных местах, появлялся он в местечках и городах, и был даже слух, что заходил к самому карасубазарскому начальнику — предлагал ему выдать Алима. Говорили в народе, что начальник сказал: «Будет Алим в моих руках — сто карбованцев тебе». Засмеялся Алим, крикнул начальнику: «Вот был Алим в твоих руках, да не сумел ты взять его». Прыгнул в окно и ускакал из города. Не догнала погоня. Белый конь Алима был о трех ноздрях, с тремя отдушинами в груди, чтобы три дня мог скакать без отдыха. Тогда двинули со всех сторон стражей и окружили таракташский лес. Но Алима не нашли. Успел вовремя предупредить отузский каведжи, и Алим ушел в Кизил-Таш. Там была пещера, где укрывались разбойники в ненастье и откуда шел ход в подземелье. А в подземелье хранились алимова добыча и запасы. Была и другая пещера, со святой водой, которая целила раны и удваивала силы людей.

Здесь, в Кизил-Таше, притих на время Алим. Знали об этом только отузский кефеджи, да его подручный — Батал. Но Батал готов был скорее проглотить свой язык, чем выдать Алима. Любил и баловал Алим его сиротку, маленькую Шашнэ, и слал ей через отца то турецкую феску, то расшитые цапучи, то золотую серьгу. Хвастала Шашнэ, показывая подругам новые подарки. Будет большой — и весь кизилташский клад отдаст ей Алим и сам женится на ней. Услышала о том дочь грека-дангалака, сказала отцу. Отец боялся Алима и не любил его, потому что когда боишься — всегда не любишь.

И к тому же была между ними кровь: убил Алим в разбое родича дангалака. Чуть свет поскакал дангалак в город, а к вечеру в Отузы прибыл начальник и собрал сход.

Коршуном поглядел он на татар.

— Чтобы курица из деревни не вышла, чтобы голубь за околицей не парил, пока Алим не будет в моих руках.

И поняли татары, что пришел Алиму конец. Никто не спал в деревне в эту ночь. Визжал вихрем Шайтан по дороге, ломал деревья по садам, мертвым стуком стучал в двери труса и кидался на прохожего бешеным ливнем. Жутко было идти стражам по кизилташской тропе. Жутко дышал лес нагорья, и гулом гудел обложной дождь, сбегая тысячью потоков в ущелья кизилташской котловины. Не ждали разбойники в эту ночь никого и, укrywшись в чекмени, спали в Разбойничьей пещере вокруг догоравшего костра. Спал и Алим зыбким сном. Видел, будто забыл испить к ночи святой воды, как делал всегда, и вбежал в Святую пещеру, но в источнике вместо воды кипит кровь. А сверху, со скал, свесились кольцами черные змеи, и одна из них, скользкая и холодная, обвила его шею узлом.

Вскрикнул Алим от боли, открыл глаза и увидел над собой громадного человека, который давил ему грудь и сжимал горло. Выскользнул Алим, но удар под сердце лишил его сознания. А когда очнулся, то лежал уже связанным вместе со всей шайкой.

— Здравствуй, Алим, был ты у меня в гостях, теперь, видишь, я к тебе пришел, — говорил над ним кто-то.

Потемнело опять в глазах Алима, а когда вновь пришел в себя, был день и несли его на носилках вдоль деревенской улицы. Точно вымерла вся деревня. Ни души не было видно, прятались все от взора начальника. Посмотрел начальник на Алима, точно что-то спросил, и ответил Алим взором: «Знаю, не будет больше джигитов в Крыму».

А к полудню у сельского правления собрались арбы, к которым были прикованы разбойники. В кандалах лежал Алим и с ним кефеджи с Баталом. Все было готово, чтобы тронуться в путь. Собралась вся деревня, вышел из правления начальник; плакала, ласкаясь к отцу, Шашнэ.

— Не плачь, — сказал начальник девочке, — скоро отец вернется, — и, посмотрев на Алима, добавил, — чуть было не забыл, за мною ведь долг. Помнишь, я обещал, когда Алим будет в моих руках, сто карбованцев тебе? Алим в моих руках — деньги твои.

— Отдай их ей, — показал Алим на девочку. Арбы медленно двинулись в путь и уже навсегда увезли из гор Алима.